

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО ПОЗНАНИЯ

УДК 316

Лубский А.В.

**РОССИЙСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ
НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ:
СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ
РАЗВИТИЯ**

В статье рассматриваются институциональные и методологические проблемы развития российской социологии на рубеже XX – XXI вв.

Ключевые слова: *российская социология, методологическая ситуация, социологический дискурс, мультипарадигмальность, методологический сепаратизм, анти-теоретический консенсус, ангажированность, индигенизация социологии, контекстуальность.*

Лубский Анатолий Владимирович,
доктор философских наук, профессор
кафедры социологии, политологии
и права ИППК ЮФУ,
e-mail: n_lav@mail.ru

© Лубский А.В., 2012 г.

Lubskiy Anatoliy V.

**RUSSIAN SOCIOLOGY
AT THE TURN OF THE
CENTURIES: STATE AND
DEVELOPMENT TRENDS**

The institutional and methodological problems of Russian sociology's development at the turn of XX–XXI centuries are considered in the article.

Key words: *Russian sociology, methodological situation, sociological discourse, multiparadigmality, methodological separatism, antitheoretical consensus, commitment, indigenization of sociology, contextuality.*

Lubskiy Anatoliy V.,
doctor of philosophy, professor of Social,
Political and Law Sciences Department
of the Institute for Retraining and Advanced
Teaching in Humanities and Social Sciences
of the Southern Federal University,
e-mail: n_lav@mail.ru

© Lubskiy Anatoliy V., 2012

В начале XX в. перед социологическим сообществом в России встал вопрос о том, куда идет отечественная социология [1, с. 43], ответ на который во многом зависит от осмысления состояния и тенденций развития социологии в России на рубеже веков. В научной литературе уже рассматривался целый ряд аспектов, имеющих отношение к этой актуальной для отечественных социологов институциональной и эпистемологической повестке дня [2].

Так, М.К. Горшков, подводя итоги институционализации социологии в России, отметил, что за считанные годы она прошла дистанцию огромного исторического размера. При этом он подчеркнул весьма противоречивые тенденции развития постсоветской социологии и, соответственно, противоречивые оценки этого развития со стороны социологов и экспертов. Одни из них, как пишет автор, «склонны к оптимистическим оценкам положения дел в социологии. Они опираются на уверенность в притоке сил молодых и современных исследователей, посвящающих себя профессии как главному делу жизни. Отмечается, что эта молодежь получает хорошее социологическое образование, какого не могли иметь российские социологи прежних поколений. Вторые, опираясь на специальные аналитические исследования, напротив, приходят к весьма противоречивым оценкам состояния социологического образования. Третьи отмечают плодотворность контактов россиян с европейской и американской социологией и вместе с тем подчеркивают, что эффективное использование западных теорий в российских условиях предполагает их критическое переосмысление, что требует очень серьезной работы. Четвертые утверждают вторичность российской социологии, ее неспособность выработать собственно российскую повестку дня, которая отвечала бы специфике российских преобразований» [3, с. 33].

Предпринимая попытку интеллектуального диагноза современного состояния российской социологии, В.В. Козловский выделил такие ее факты-характеристики: 1) *институциональное дробление социологического сообщества*; 2) *кризис социологического образования*; 3) *«огосударствление» социологии, противоречащее заинтересованному участию общественности, в том числе социологического сообщества, в развитии социологического знания*; 4) *односторонняя ангажированность социологов в острых публичных ситуациях*; 5) *пассивность и молчание социологов по поводу наиболее важных социально-политических и культурных событий, радикальных изменений жизненной среды*; 6) *диверсификация социологического знания, размывание поля социологии, изменение профиля профессиональной деятельности социолога, фрагментация социального знания* [4, с. 5 – 9].

А.В. Тихонов, рассматривая проблемы развития российской социологии, отметил, что «по всем признакам у нас завершился бурный этап экстенсивной институционализации социологии со своими плюсами и минусами»

[5, с. 20]. К плюсам этого этапа он отнес полипарадигмальность, признание социологии как академической науки и университетской дисциплины, появление нового поколения дипломированных специалистов, освоение западной социологической мысли, мониторинговые исследования; к минусам – фрагментацию социологического знания, разделенность социологического сообщества на группировки, трудности внутридисциплинарной коммуникации, отсутствие общих теоретико-методологических ориентиров [6, с. 48].

К плюсам постсоветской социологии специалисты относят также углубление специализации в различных направлениях социологической проблематики; регулярную практику массовых и экспертных опросов; отход от позитивистской интерпретации социологии; активное использование качественных методов исследования; освоение западной социологической мысли; включение российских ученых в мировой социологический дискурс [7, с. 21 – 22]; многообразии научных школ, приверженность социологов разным теоретическим концепциям и взглядам, методическим подходам [8, с. 25].

В качестве минусов экстенсивной институционализации социологии в России ученые называют доминирование заказной или ползучей описательной социологии, опирающейся преимущественно на массовые опросы общественного мнения, с очень плоской интерпретацией полученных данных [9, с. 101]; нарастание под грифом социологической вала низкопробной, сиюминутной, политизированной информации [10, с. 21]; низкое качество фундаментальных и прикладных исследований [11, с. 9]; слабое влияние российской социологии, для которой характерна «рецепция западной мысли», на интеллектуальное производство в целом или на политику в частности [12, с. 183]; широкое распространение в российской социологии интеллектуально-когнитивных мод и ангажированность результатов социологических исследований [13]; отсутствие собственных масштабных теорий и падение значения российской социологии на международном уровне [14, с. 16 – 24]; личное неприятие оппонентов в силу различий в научных позициях, оборачивающееся разобщенностью профессиональных связей, слабостью корпоративного научного духа [15, с. 25].

Изучая сложившуюся в России практику научно-исследовательских работ по социологии, Е.А. Гришина подчеркивает падение качества научных публикаций и диссертационных исследований. По ее мнению, это связано, во-первых, с несоблюдением профессиональных стандартов при проведении научных исследований; во-вторых, сомнительным качеством социологической информации; в-третьих, методологической и методической некорректностью социологических исследований; в-четвертых, ориентацией авторов этих исследований на имитирование научности и «продвинутости» путем использования иноязычных терминов и зарубежных научно-исследовательских методик; в-пятых, отсутствием оригинальных

по содержанию научно-исследовательских работ. Нарекания со стороны автора вызывает и уровень репрезентативности эмпирической базы многих социологических исследований. Особенно это касается различного рода онлайн-опросов, позволяющих быстро получать эмпирическую информацию, поскольку формирование репрезентативных панелей в Интернете далеко не всегда является «правилом», и большинство их можно отнести к известным практикам «соломенных» опросов позапрошлого века. В результате при наличии колоссального объема социологической информации, как отмечает автор, она носит фрагментарный, крайне мозаичный и трудно сопоставимый характер [16, с. 130 – 134].

Характеризуя теоретико-методологическую ситуацию, сложившуюся в отечественной социологии, Л.А. Козлова отмечает, что «сегодняшнее состояние российской теоретической социологии вызывает много вопросов у социологов, занимающихся этой проблематикой. Чаще всего высказываются весьма критические точки зрения об отсутствии универсальных теоретических средств для эффективного исследования современного российского общества, социологического языка, на котором российские социологи могли бы вступать в профессиональную коммуникацию, о некритическом использовании теорий, заимствуемых у западной социологии» [17, с. 97]. При этом некоторые эксперты причины сдерживания развития теоретической социологии сегодня видят в традициях, заложенных доктринальным марксизмом в СССР, и низком статусе теоретико-методологических проблем в постсоветской России [18, с. 76 – 77].

Ответ на вопрос, куда идет отечественная социология, зависит также от понимания тенденций ее развития на рубеже веков. После «отмены» марксизма как универсальной теории социального познания социология в России последние двадцать лет находится в активном поиске наиболее адекватных способов научно-исследовательской деятельности, который характеризуется растущей мультипарадигмальностью социологического познания. В условиях мультипарадигмальности представители различных социологических течений и школ стали отдавать предпочтение разным методологическим подходам, использовать специфические научные тесзаурусы и создавать различные «картины» социальной реальности.

Мультипарадигмальность социологического познания, с одной стороны, подкупает «демократичностью» и «интеллектуальными возможностями», и поэтому сосуществование и конкуренция различных парадигм социологического познания является необходимым условием нормальной интеллектуальной ситуации в современной социологии [19]. С другой стороны, мультипарадигмальность социологического познания в России привела к складыванию такой интеллектуальной ситуации, которая позволяет применить по отношению к постсоветской социологии метафору коммунальной квартиры: представители различных научных парадигм имеют свои кри-

терии социально значимого, свой научный язык и свою методологию, что затрудняет научную коммуникацию в профессиональном сообществе российских социологов [20, с. 117].

Кроме того, мультипарадигмальность социологического познания привела не к распространению в отечественной социологии принципов методологического плюрализма, а к утверждению в ней духа «плюралистически дискретного монизма» [21, с. 78], перманентно порождающего интеллектуальный сепаратизм. Этот сепаратизм в социологическом познании сопровождается, с одной стороны, гносеологическим ригоризмом, т.е. решительным неприятием представителями той или иной парадигмы других возможных способов познавательной деятельности в социологии, а с другой – признанием в качестве универсального только одного – своего способа изучения социальной реальности.

В связи с этим М.К. Горшков пишет: «Безусловно, отрадный факт, что на всех этапах развития отечественной социологии, в особенности, в нынешний период, ее отличает многообразие научных школ, приверженность социологов разным теоретическим концепциям и взглядам, методическим подходам. Печально другое, когда различия в научных позициях становятся причиной личного неприятия оппонента, что в конечном счете оборачивается разобщенностью профессиональных связей, слабостью корпоративного научного духа. Особенно неприемлемо, когда "выяснение личных отношений" и "большой-меньшей правоты" происходит не в ходе дискуссий на семинарах и конференциях, а через массмедиа, в которых эмоциональное явно доминирует над рациональным» [22, с. 25]. Поэтому в условиях интеллектуального сепаратизма мультипарадигмальность социологического познания означает не просто сосуществование различных методологических подходов к изучению социальной реальности, а их когнитивное противостояние [23, с. 18].

В результате постсоветская социология, превратившаяся в мультипарадигмальную научную дисциплину, стала «ярмаркой идей», когнитивным полем многообразных научных дискурсов, в результате которых социальная реальность растворилась во множестве теоретических конструктов, ценностных концептов, смысловых миров и метафорических значений.

Другой тенденцией развития постсоветской социологии в России является широкое распространение в ней интеллектуально-когнитивных мод. Это объясняется тем, что уже в начале 90-х гг. XX в. на волне критики марксистской парадигмы обнаружился дефицит креативности среди социологов, связанный с разработкой новых способов познавательной деятельности в науке. Одни ученые встали на путь модернизации старой марксистской парадигмы социологического познания. Другие, отказавшись от марксизма, обратились к западноевропейской интеллектуальной

традиции, сотворив себе новых кумиров в лице различных представителей социологической науки на Западе.

Наряду с дефицитом креативности это было обусловлено также особенностями стиля научного мышления многих отечественных ученых, характеризуя который известный российский культуролог В.Н. Иванов писал: «Мы чрезвычайно легко видим в окружающем нас мире то, что мы хотим, что мы привыкли видеть. Это является следствием некритичности русского познавательного духа, которому все равно, верить ли в святость кн. Владимира или в непогрешимость Карла Маркса» [24, с. 15 – 16].

«Некритичность русского познавательного духа» реанимировала представление о том, что элитарная наука существует только на Западе и, следовательно, она должна быть объектом интеллектуального подражания. Поэтому спасительный выход из тупиков марксистской теоретической догматики многие российские ученые увидели в некоторых модных социологических теориях западной академической науки. Теоретические конструкты этой науки, их понятийный аппарат стали широко использоваться в отечественных научных исследованиях, посвященных российской социальной специфике. При этом многие из этих конструктов превратились в отечественной социологии в интеллектуально-когнитивные моды как теоретические образцы познавательной деятельности, выполняющие в научном познании нормативно-принудительную функцию.

В конечном счете все эти «подражания и заимствования» нашли выражение, как отмечает Л.Д. Гудков, в крайне низком теоретическом уровне работ российских ученых, концептуальной примитивности, аморфности самих социальных наук, интеллектуальном эпигонстве и эклектике. В результате в социологии оказались подавленными такие «механизмы» автономной их самоорганизации, как «имманентная теоретическая или методологическая критика, самоанализ ценностных оснований познавательной деятельности, профессиональная полемика, рецензирование, конкуренция за признание» [25, с. 314 – 339]. Более категоричным в этом плане оказался А.Ф. Филиппов, который считает, что в сегодняшней России вообще нет теоретической социологии [26, с. 185 – 204].

В целом некритическое заимствование и использование в отечественных социологических практиках западных теоретических конструктов свидетельствует об определенной интеллектуальной стагнации отечественной социологии. Причины этой стагнации Н.С. Розов видит в том, что среди российских ученых процветает антитеоретический консенсус, переживая все новые и новые налеты западных интеллектуальных мод [27, с. 284 – 293].

Антитеоретический консенсус порождает такое явление, как «научное трансляторство», связанное с тем, что многие российские социологи, не став производителями нового теоретического знания и обратившись к западноевропейской интеллектуальной традиции, превратились в транс-

ляторов «готовых» социологических теорий, внедряя их в научно-исследовательскую практику без всякой предварительной социокультурной и эпистемологической экспертизы. Переносы этих теорий на российскую почву при игнорировании национально-культурной специфики страны стали, как отмечают некоторые исследователи, «рутиной социологической практики» [28, с. 122]. В ходе этой практики многие исследователи при описании социальных реалий в России пользуются преимущественно обыденным языком как продуктом здравого смысла, а при их объяснении – научным языком западной социологии, который является интеллектуальным продуктом особого культурно-исторического развития и который, как отмечают исследователи, был разработан для изучения принципиально иных институциональных систем, действовавших по иным правилам [29, с. 6]. Поэтому, как писал А.Ф. Филиппов еще в конце 90-х гг. XX в., случаев «успешного перенесения иноземных концепций на другую почву в неизменном виде практически нет» [30, с. 11]. На это, кстати, обращал внимание и С. Хантингтон, который писал: «То, что является универсализмом для Запада, для всех остальных выступает как империализм» [31, с. 184]. В связи с этим некоторые специалисты подчеркивают, что российские социологи прежде, чем «совмещать» зарубежные теории с российскими реалиями, «обязаны думать, во-первых, над тем, насколько и в чем эти теории согласуются с российской действительностью, стало быть, в какой мере они применимы; во-вторых, о том, насколько они совместимы с отечественной научной традицией» [32, с. 120].

В связи с проблемой интеллектуально-когнитивных мод в отечественной социологии актуализировался вопрос о необходимости создания ее национального варианта. По этому поводу в российском социологическом дискурсе развернулась острая полемика между противниками и сторонниками национальных социологий.

Противники национальной социологии в России утверждают, что национальные социологии конца XIX – начала XX в. уже исчерпали себя и для изучения российского общества при всей его культурной самобытности вполне достаточно «общетеоретического багажа» современной академической науки, поскольку разные культурные практики можно изучать одним и тем же методом, например, феноменологическим или интеракционистским [33, с. 17]. Обоснования необходимости национальной социологии в России, по их мнению, это есть не что иное, как попытки создания социологии российской исключительности, базирующиеся на отрицании универсальности теоретического знания о социальной реальности, получаемого современной наукой [34, с. 5].

Однако некоторые российские ученые, отрицая универсальность «общетеоретического багажа» современной науки, считают, что «социология в той или иной стране возможна лишь при условии, что – по мень-

шей мере – там предпринимаются попытки сформировать собственную фундаментальную теорию с учетом своего уникального социального опыта и признанных стандартов философии и методологии». По их мнению, «ориентация на тот или иной теоретико-методологический стандарт ни при каких обстоятельствах не может заглушить уникальность социального опыта» [35, с. 24]. В последнее время с обоснованием возможности и необходимости национальной русской социологии выступил В.И. Добренков, аргументируя это тем, что социологам приходится изучать разные культурные объекты. При этом он ссылается на проекты национальной социологии М. Вебера и некоторых современных ученых в Южной Корее, Китае и Японии, а также работы дореволюционных российских социологов [36, с. 99 – 124].

Полемика между противниками и сторонниками национальной социологии в России привела к актуализации проблематики, которая связана с языком социологического дискурса. В связи с чем сама полемика приобрела иной эпистемологический ракурс, в котором речь не идет о стремлении к созданию «доморщенной» социологии в России (к этому вряд ли кто-то стремится) и даже не о том, что надо изучать разные культурные практики и при этом можно использовать одни и те же методологические средства (это вряд ли кто отрицает). Вопрос в другом – насколько «общетеоретический багаж» социологии, сформировавшийся в рамках западной академической науки, принадлежащей особому интеллектуальному миру и культурной среде, является универсальным. В какой мере теоретический аппарат и язык этой науки, вполне пригодный для описания и объяснения западных социальных реалий, можно использовать для понимания и объяснения российского общества.

В рамках теории однолинейного прогрессизма, согласно которой все страны и народы идут по одной линии прогресса, вектор которого задается наиболее продвинутыми западными странами, такой вопрос возникнуть вообще не мог, поскольку считается, что социальная «анатомия» более развитого общества является ключом к пониманию менее развитых обществ. Отсюда проистекает вывод об универсальном характере «общетеоретического багажа» современной социологии, созданного при изучении западного общества и его социального опыта. Однако многие ученые, в том числе и на Западе, в настоящее время подвергают сомнению универсальность социальных теорий, разработанных при изучении западного общества, в силу признания уникальности его социокультурного опыта [37].

Еще в 70-х гг. XX в. началась индигенизация социологии, связанная, как отмечает В.А. Федотова, с «отказом социологов стран третьего мира внедрять модели, методы и терминологию социологии, возникшей на Западе и предназначенной, по их мнению, для анализа западных национально-культурных практик». Это было обусловлено тем, что многие

социологи третьего мира трагически воспринимали ситуацию, когда «приходится смотреть на себя сквозь призму западных социологий». Затем индигенизация социологии, считает автор, ссылаясь на авторитетное мнение М. Олброу [38], в определенной мере произошла и в западных странах, социологии которых становятся все более национально специфическими. «Причина этого, – полагает В.А Федотова, – не враждебность к каким-то теориям, а интерес к своим особенностям» [39, с. 9 – 10].

В методологии социологического познания одной из наиболее актуальных сегодня является проблема контекстуальности, которая, в частности, была центральной в работе 38-го конгресса Международного института социологии, состоявшегося в июне 2008 г. в Будапеште. Контекстуальность означает, что всякое социальное явление необходимо изучать в рамках той культурно-исторической среды, которая породила это явление. Поэтому прежний поиск универсальных категорий и моделей, пригодных при изучении любой страны независимо от ее социально-культурного своеобразия, сегодня, как считают некоторые специалисты, признан неадекватным и по сути дела отвергается многими ведущими учеными мира. Это означает также и отказ от многих прежних аналитических моделей и объяснительных теорий, используемых в социологическом познании. Даже такие универсальные понятия, как глобализация или модернизация, в настоящее время предлагается рассматривать только применительно к конкретному этапу развития региона, страны, мира [40, с. 16 – 24], наполняя их национальной спецификой [41, с. 18].

Однако проблема контекстуальности в методологии социологического познания имеет и другую сторону, связанную с изменением представлений о рациональности как атрибуте научности социологического исследования. Изучая естественные науки, В.В. Степин выделил три типа рациональности – классический, неклассический и постнеклассический [42, с. 15]. С учетом специфики социальных и гуманитарных наук эта типологизация может быть распространена и на их когнитивную сферу. Применительно к социологии классическая рациональность, основываясь на принципах нейтральности субъекта научно-исследовательской деятельности, а также тождества социального бытия и социологического мышления, претендует на познание социальной действительности такой, какой есть сама по себе, без примеси человеческой субъективности. Классическая рациональность, в которой разум, с одной стороны, дистанцируясь от социальной действительности, а с другой – абстрагируясь от действительной природы субъекта, элиминирует из процедур объяснения все то, что не относится к объекту исследования. Поэтому классическая рациональность предполагает, что в социологическом знании не должно быть ничего того, что не относится к предмету социологического исследования.

Неклассическая рациональность, в которой деятельностная природа субъекта социологического познания выступает в явном виде, предполагает осмысление соотнесенности объясняемых характеристик предмета социологического исследования с особенностями методологических средств и операций научной деятельности. Поэтому неклассическая рациональность предполагает, что содержание социологического знания обусловлено не только предметом, но и методологией социологического исследования.

Постнеклассическая рациональность в социологии связана с постмодернизмом и критическим реализмом. Постмодернистская рациональность, предполагая языковые игры в качестве основного способа познавательной деятельности, базируется на принципе «affirmo ergo est» («утверждаю, значит так есть»). Критико-реалистическая, или неоклассическая, рациональность в социологии – это рациональность, которая сформировалась в результате синтеза таких установок, как поиск истины в классической науке и установление зависимости объясняемых характеристик предмета социологического исследования от его методологических предпосылок в неклассической, и дополнения их осмыслением ценностно-целевых ориентаций субъекта научной деятельности в их соотнесении с социальными целями и ценностями. Поэтому неоклассическая рациональность в социологии предполагает рефлекссию над ценностными основаниями самой научной деятельности, выраженными в научном этосе, и то, что содержание социологического знания зависит не только от предмета и методологии социологического исследования, но и от его социокультурного контекста, выражением которого выступает язык научного дискурса [43].

Современные представления о языке научного дискурса свидетельствуют о том, что язык, являясь инструментом символической реконструкции предмета социологического исследования, структурно содержит культурный код, определяющий способ мировосприятия в данной культуре, а его грамматика в неявном виде заключает в себе развернутые представления об устройстве социального универсума, определяющие мышление и поведение людей. Таким образом, сам язык требует интерпретации, связанной с пониманием социокультурного контекста, к которому он принадлежит.

В связи с этим некоторые исследователи обращают внимание на низкий уровень терминологической культуры отечественных социологов [44, с. 5], обусловленный тем, что при описании социальных реалий в России многие исследователи пользуются языком здравого смысла, а при их объяснении – языком западной академической науки, который сформировался в другой когнитивной среде при изучении иных социокультурных реалий.

Таким образом, актуализация проблемы национальной социологии в России сегодня порождена осознанием того, что в отечественной социологии пока отсутствует научный язык, адекватный для понимания и объ-

яснения российской социальной специфики, поскольку «язык западной социологии, – как подчеркивает Л.Г. Гудков, – был разработан для изучения принципиально иных институциональных систем, действовавших по иным правилам, нежели мобилизационное и милитаризованное советское общество-государство и многое сохранившая от него постсоветская Россия» [45, с. 6]. Поэтому при использовании понятий, возникших в рамках определенного социокультурного опыта, для описания и объяснения иной социокультурной среды надо учитывать философско-методологическое предостережение П. Фейерабенда, который считал, что «словари и переводы являются весьма неудачным способом вводить понятие языка, синтаксис которого существенно отличен, например, от английского, или от идей, которые нельзя "подогнать" под западноевропейский способ мышления» [46, с. 432].

Некорректное использование в социологических исследованиях понятий и теоретических конструктов, возникших в конкретной языковой среде и разработанных на материалах определенных социокультурных ареалов, для описания и объяснения социальной реальности в других ареалах привело к формированию в современном методологическом сознании представления о том, что использование, например, научных понятий и социологических теорий, возникших в западноевропейской социокультурной среде, для описания и объяснения российского социокультурного опыта предполагает предварительную их социологическую экспертизу.

При этом речь идет не о том, что при изучении российского общества нельзя использовать методологические подходы, разработанные в современной западной социологии, а о том, что, во-первых, их не следует превращать в универсальные познавательные средства, а во-вторых, их познавательный потенциал надо соизмерять с российской социокультурной спецификой. В свою очередь социологическая экспертиза возможности использования понятий и социологических теорий, возникших в западноевропейской социокультурной среде, предполагает или выяснение степени соизмеримости различных пластов российского и западноевропейского социокультурного опытов, или поиск областей их культурного совпадения.

Актуализация проблемы языка научного дискурса в отечественной социологии может рассматриваться как попытка преодоления в ней, с одной стороны, синдрома интеллектуального подражания, а с другой – анти-теоретического консенсуса. Преодоление этого консенсуса, а также формирование научного языка, адекватного для описания и объяснения российских социальных реалий, предполагает не разработку новых социологических гранд-теорий, а создание социологических теорий среднего уровня. Это такие социологические теории, которые не привносятся в качестве объяснительных конструктов извне, а являются результатом аналитической и синтетической деятельности ученых, связанной с обработкой

эмпирического материала, полученного при изучении социальных реальностей, обладающих социокультурной спецификой.

Отсутствие в российской социологии интереса к социологическим теориям среднего уровня обусловлено, во-первых, девальвацией научно-теоретического разума и преобладанием в ней описательных научных исследований с очень плоской интерпретацией эмпирических данных, во-вторых, дефицитом холистского социологического мышления, фрагментацией социологического знания, доминированием прикладных социологических исследований.

С девальвацией научно-теоретического разума и доминированием гетерогенного прикладного социологического знания связана третья тенденция развития постсоветской социологии в России – ангажированность познавательного духа. При этом можно говорить как о явной, так и скрытой ангажированности социологических исследований. Явные формы ангажированности связаны с социологическим воображением исследователей как идеологической проекцией того, каким общество хочет видеть себя. Идеологическая ангажированность во многом обусловлена тем, что посткоммунистический научный дискурс в России, как отмечал Г.С. Батыгин, «утратил топику "советского марксизма", но сохранил и прагматику, и стилистику его интеллектуальной работы» [47, с. 64]. Фиксируя тождество современной и советской социологии, некоторые исследователи указывают также на такие их общие черты, как партийная ангажированность и приоритет общественной актуальности перед научной [48, с. 222]. В результате отечественная социология часто становится не полем конкуренции различных методологических подходов, а противостоянием идеологических оценочных суждений, превращаясь тем самым в производство идеологически-ангажированного знания, «науку о будущем», опрокинутую в настоящее.

В скрытых формах ангажированность познавательного духа проявляется непосредственно в различных социологических опросах населения. Она обусловлена тем, что точки зрения и социологов, и респондентов на социальную реальность зависят от их позиций в социальных и смысловых структурах российского общества. Социологические опросы являются, по существу, выяснением того, каким общество хочет (или не хочет) видеть себя. Но речь в этом случае идет не о свободе оценочных суждений, связанной с идеологическими или политическими предпочтениями, а об отнесении к ценности как принципе неклассической социологии или, как называют некоторые исследователи, постнеклассической ценностно ориентированной социологии [49, с. 178 – 250].

В неклассической, или «понимающей», социологии принцип отношения к ценности является правилом, согласно которому ученые формируют свои когнитивные интересы, различая в социальном мире значимое

и незначимое. Это происходит благодаря тому, что ученые как «культурные люди одарены способностью и волей сознательно занимать позицию по отношению к миру и наделять его смыслом» [50, с. 180]. Поэтому в рамках неклассической социологии ученый изучает не столько трансцендентальную социальную действительность, сколько воображаемую социальную реальность, соотнесенную с его системой когнитивных и культурных ценностей. Эта реальность представляет собой конструкт социолога и респондентов: социолог воображает социальную реальность, задавая респондентам определенный набор вопросов о том, как они относятся к тем или иным социальным явлениям; респонденты воображают социальную реальность, отвечая на эти вопросы (при этом ответы на вопросы могут быть результатом целерационального или ценностно-рационального мышления, а могут быть проекцией культурных архетипов или образов коллективного бессознательного).

Ангажированность социологических исследований связана также с таким явлением, как научное антрепренерство, обусловленное стремлением некоторых социологов «браться за любые задачи, предлагать быстрые и плохо продуманные решения, исказить полученные данные в угоду заказчику» [51, с. 121]. Научное антрепренерство часто связано и с «этосом» государственной сервильности, который зачастую определяет институциональные каноны научно-исследовательской деятельности в социологии. В этой деятельности на первый план выходит не стремление к научной истине, а удовлетворение запросов со стороны государства. Характеризуя социологический сервизм, М.К. Горшков пишет, что «в сложившейся системе взаимодействия с властными структурами социологи чаще всего исполняют гувернерские, обслуживающие функции. Данная схема взаимодействия сводится к следующему правилу: если социолог приносит во властные структуры социологические оценки или суждения, не соответствующие оценкам этих структур, он вынужден выслушивать упреки в бессмысленности своих изысканий. Таким образом, его задача сводится не к построению моделей, способствующих пониманию социальной реальности, а к предугадыванию ожидания властных структур». Кроме того, «этос» государственной сервильности предполагает «доминирование в социологической науке таких тем, которые связаны с оправданием сложившегося в России социального уклада» [52, с. 40 – 41].

Ангажированность социологических исследований порождена также «нашествием околонучного маргинала», связанным с появлением в составе социологического сообщества «ученых» без специальной профессиональной подготовки, но жаждущих признания и денег. В результате так называемые социологические исследования превращаются в производство «околонучного» прикладного знания фикционалистского или эмфатического характера. Кроме того, «началось то, – как отмечает

М.К. Горшков, – что можно назвать "парадом социологических суверенитетов", когда каждый, кто объявлял себя социологом, стремился не к качеству социологической информации, а к извлечению собственной коммерческой выгоды. Мало того, что стали множиться низкопробные исследования, в практику, особенно электоральных кампаний, как в центре, так и в регионах стали внедряться специально сфабрикованные социологические данные с целью манипуляции через массмедиа общественным мнением и электоральным выбором населения» [53, с. 21].

Рассматривая положение дел в российской социологии в начале XX в., Ю.А. Левада подчеркнул, что «сравнивать достигнутое нужно, в первую очередь, не с тем, что было 50–30–20 лет назад, а с тем, что можно и, вероятно, нужно было бы добиться за последние годы, и что не смогли, не сумели, не решились поднять» [54, с. 20]. Поэтому интеллектуальную ситуацию в российской социологии на рубеже веков можно охарактеризовать метафорой «fin de siècle», означающей конец одной и начало другой эпохи: краха многообещающих начинаний, но и сохранения надежды на интеллектуальные прорывы и выход из того состояния российской социологии, которое А.В. Тихонов назвал «преднаукой» [55].

Примечания

1. *Тихонов А.В.* Посткризисный синдром отечественной социологии и проблема новой повестки дня // Россия реформирующаяся: Ежегодник / Отв. ред. М.К. Горшков. Вып. 7. М., 2008. С. 43.

2. *Козловский В.В.* Государство и социология в России. Какая социология нужна современному обществу? // Журнал социологии и социальной антропологии. 2007. Т. X. № 1; *Горшков М.К.* Российская социология: между обществом и властью. Неюбилейные тезисы в связи с юбилеем // Социологические исследования. 2011. № 5; Теория и методология в практиках российских социологов: постсоветские трансформации / Отв. ред. Л.А. Козлова. М., 2010; *Тихонов А.В.* Отечественная социология: проблемы выхода из состояния преднауки и перспективы развития // Социологические исследования. 2011. № 6.

3. *Горшков М.К.* Российское общество как оно есть (опыт социологической диагностики). М., 2011. С. 33.

4. *Козловский В.В.* Государство и социология в России... С. 5 – 9.

5. Ю.А. Левада называл постсоветский этап в развитии российской социологии сырьевым (*Левада Ю.А.* Проблема сырьевого уровня научного знания // Пути России: проблемы социального познания. М., 2006).

6. *Тихонов А.В.* Посткризисный синдром отечественной социологии... С. 48.

7. *Горшков М.К.* Уроки и перспективы отечественной социологии // Социологические исследования. 2008. № 7. С. 21 – 22.
8. *Горшков М.К.* Российское общество как оно есть... С. 25.
9. *Гудков Л.* Есть ли основания у теоретической социологии в России? // Вестник общественного мнения. 2009. № 1 (99). С. 101.
10. *Горшков М.К.* Уроки и перспективы отечественной социологии... С. 21.
11. *Жуков В.И.* Социология в современной России (Доклад на учредительном съезде Союза социологов России 27 июня 2007 г.) // Социологические исследования. 2007. № 12. С. 9.
12. *Качанов Ю.* Эпистемология социальной науки. СПб., 2007. С. 183.
13. *Здравомыслов А.Г.* Поле социологии: дилемма автономности и ангажированности в свете наследия перестройки // Общественные науки и современность. 2006. № 1. С. 5 – 20; *Лубский А.В.* Социология в России: интеллектуальная ситуация в конце XX – начале XXI века // Методология, теория и история социологии: сборник научных статей. Ростов н/Д, 2011. С. 125 – 134.
14. *Титаренко Л.Г.* Современная теоретическая социология: размышления после конгресса // Социологические исследования. 2009. № 1. С. 16 – 24.
15. *Горшков М.К.* Российское общество как оно есть... С. 25.
16. *Гришина Е.А.* О тенденциях в практике научно-исследовательских работ по социологии // Социологические исследования. 2010 № 7. С. 130 – 134.
17. *Козлова Л.А.* Теоретико-методологическая ситуация в российской социологии: мнения экспертов // Теория и методология в практиках российских социологов: постсоветские трансформации... С. 97.
18. *Ответы Б.М. Фирсова* // Теория и методология в практиках российских социологов: постсоветские трансформации... С.76 – 77.
19. *Малинкин А.Н.* Полипарадигмальный подход и ситуация в российской социологии (Исследование по социологии знания) // Социологические исследования. 2006. № 1. С. 114 – 123; *Кирдина С.Г.* Современные социологические теории: актуальное противостояние? // Социологические исследования. 2008. № 8. С. 18 – 28.
20. *Олейник А.Л.* Научная коммуникация на стыке парадигм // Общественные науки и современность. 2008. № 2. С. 117.
21. *Мальковская И.А.* Россиеведение: между символом и симулякром // Россия и современный мир. 2003. № 1. С. 78.
22. *Горшков М.К.* Российское общество как оно есть... С. 25.
23. *Кирдина С.Г.* Современные социологические теории... С. 18.
24. *Иванов В.Н.* Мы на Западе и на Востоке. Культурно-исторические основы русской государственности. СПб., 2005. С. 15 – 16.

25. *Гудков Л.* О положении социальных наук в России // Новое литературное обозрение. 2006. № 77. С. 314 – 339.
26. *Филиппов А.* Теоретическая социология в России // Мыслящая Россия. Картография современных интеллектуальных направлений. М., 2006. С. 185 – 204.
27. *Розов Н.С.* (Не)мыслящая Россия: антитеоретический консенсус как фактор интеллектуальной стагнации // Прогнозис. 2007. № 3. С. 284–293.
28. *Малинкин А.Н.* Полипарадигмальный подход и ситуация в российской социологии... С. 122.
29. *Гудков Л.* Негативная идентичность. М., 2004. С. 6.
30. *Филиппов А.* Понятие теоретической социологии // Социологический журнал. 1997. № 1/2. С. 11.
31. *Huntington S.P.* The Clach of Civilizations and the Remaking of World Order. N.Y., 1996. P. 184.
32. *Малинкин А.Н.* Полипарадигмальный подход и ситуация в российской социологии... С. 120.
33. *Ядов В.А.* Для чего сегодня нужна русская национальная социология? // Социологические исследования. 2008. № 4. С. 17.
34. *Здравомыслов А.Г.* Теория социальной реальности в российской социологии // Мир России. 1999. Т. VIII. № 1 – 2. С. 5.
35. *Филиппов А.* Понятие теоретической социологии... С. 24.
36. *Добреньков В.И.* Ценностно-ориентированная социология: проблемное поле постнеклассической социологии. М., 2011. С. 99 – 124.
37. *Хантингтон С.Ф.* Запад: уникальность, а не универсальность // Русский журнал. 15.10.1997 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.russ.ru/journal/peresmot/97-10-15/hantin.htm>.
38. *Albrow M.* Introduction // Globalization, Knowledge and Society / Ed. by M. Albrow and E. King. London: Sage Publications, 1990.
39. *Федотова В.Г.* Как возможна социология в России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. III. № 3. С. 9 – 10.
40. *Титаренко Л.Г.* Современная теоретическая социология // Социологические исследования. 2009. № 1 С. 16 – 24.
41. *Федотова В.Г.* Новые идеи в социальной теории// Социологические исследования. 2011. № 11. С. 18.
42. *Степин В.С.* Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность // Вопросы философии. 2003. № 8. С. 15.
43. *Лубский А.В.* Альтернативные модели исторического исследования: концептуальная интерпретация когнитивных практик... С. 79–80, 115–116, 234 – 235.
44. *Подвойский Д.Г.* Языки социологии: многоголосие или какофония? // Социологические исследования. 2011. № 5. С. 5.
45. *Гудков Л.* Негативная идентичность. М., 2004. С. 6.

46. *Файерабенд П.* Избранные труды по методологии науки. М., 1986. С. 432.

47. *Батыгин Г.С.* «Социальные ученые» в условиях кризиса: структурные изменения в дисциплинарной организации и тематическом репертуаре социальных наук // Социальные науки в постсоветской России. М., 2005. С. 64.

48. *Воронков В.* Чему альтернативна «альтернативная» социология» // Мыслящая Россия. Картография современных интеллектуальных направлений. М., 2006. С. 222.

49. *Добреньков В.И.* Ценностно-ориентированная социология: проблемное поле постнеклассической методологии... С. 178–250.

50. *Weber M.* Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre. Tübingen, 1968. S. 180.

51. *Юревич А.В.* Звездный час гуманитариев: социогуманитарная наука в современной России // Вопросы философии. 2003. № 12. С. 121.

52. *Горшков М.К.* Российское общество как оно есть... С. 40 – 41.

53. *Горшков М.К.* Уроки и перспективы отечественной социологии... С. 21.

54. *Левада Ю.А.* Проблема сырьевого уровня научного знания... С. 20.

55. *Тихонов А.В.* Отечественная социология: проблемы выхода из состояния преднауки и перспективы развития // Социологические исследования. 2011. № 6.